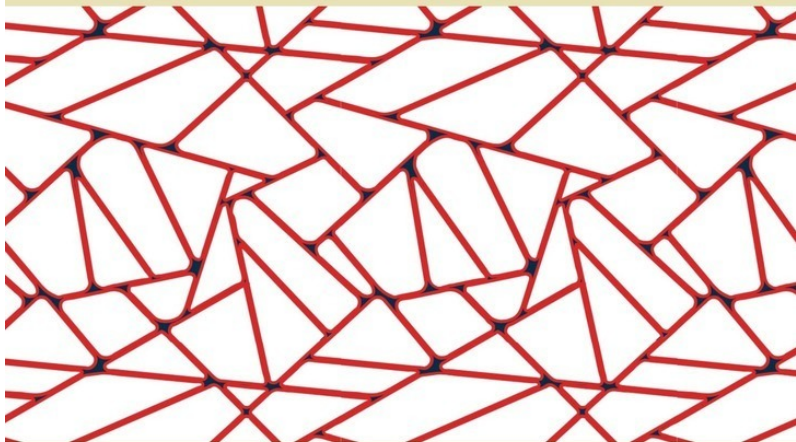

Александр Брюховецкий

**ДЕВОЧКИ С ЧЕРНОЙ
ГОРЫ**

Александр Брюховецкий

Девочки с черной горы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36079575

ISBN 9785449321336

Аннотация

Для подростков, чьи представления о добре и зле формируются в период их самой активной жизни, самого яркого периода, самого пика наблюдательности за окружающей действительностью.

Девочки с черной горы

Александр Брюховецкий

© Александр Брюховецкий, 2018

ISBN 978-5-4493-2133-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Декабрьские дни коротки и холодны. Солнце встаёт поздно и нехотя. Оно вызревает на морозном горизонте долго, как чирей, и, брызнув багряным светом по заиндевевшим стёклам многоэтажных домов, катится, не успев подняться, вновь к горизонту.

В такие дни неуютно. Хочется много есть, спать и не ходить в школу. А школ целых две в этом посёлке, который взгромоздился на чёрной горе. А гора вовсе и не чёрная, кто-то брякнул не подумавши, окрестил, так сказать. Да и все это не гора – опушка небольшая. И вот обустроился этот посёлок на небольшом пяточке, чтобы потом шагнуть вниз к Томи, да не шагнул, потому что строящаяся плотина для будущей ГЭС застыла немым укором для окружающих: «А зачем же, люди, вы меня строили да бросили? Экология нарушится, говорите, то-то!.. А ведь надо было сначала думать».

Конечно же, кто-то думал вначале, взвешивал, но дело во- все не в экологии (умеют люди пакостить и потом оправды- ваться). А в том, что поменялся уклад жизни и «кончились деньги». Вот и живут люди на чёртовой горе и чертыхаются, отправляясь, кто в город на работу, а кто и подальше, за Ку- дыкину гору, чтобы детишки могли учиться а закончив шко- лу бежали прочь от этого несчастливого места.

А мои герои, о коих здесь пойдёт речь, как раз и учились в этих двух школах: общеобразовательной и дополнитель- ной – школе искусств. «Дополняшка», – называли её. А кто- то обозвал «искусственной», но это уж слишком, согласи- тесь. Искусство никогда не бывает искусственным, то есть поддельным, оно естественное, как хлеб.

И вот держит на своём темени чёрная гора чудный белый посёлок из стекла и бетона среди необозримой сибирской тайги. И любят люди это место и вздыхают глубоко от насту- пившей безработицы. И боль эта детям передаётся. Но жить надо- и в короткое жаркое лето, и в трескучие зимние моро- зы. Да не такие они уж и трескучие, ведь на горе теплее – всего минус тридцать, когда в низине, в Занюхляево – все сорок.

Наверно, первой в посёлке просыпается восьмиклассни- ца Сима, потому что по утрам, до школы, она моет голову. Странная привычка, не правда ли? Ведь это можно сделать вечером или на ночь. Но увы, девочка смотрит допоздна бес- конечные сериалы (особенно любит страшилки), перед этим

кое-как приготовив уроки, и засыпает у телевизора. И как бы рано она не вставала – всё равно опаздывала на «дополняшку», что не очень нравилось преподавателю.

Другие девочки, Катя и Яна (ещё две наших героини) приходили в школу искусств, практически без опоздания. Разве что тринадцатилетняя Катя, выглядевшая взрослее, буквально вваливалась в класс в две-три минуты девятого, запыхавшаяся и покрасневшая от мороза, в то время как Яна уже сидела за мольбертом и пристально всматривалась в натюрморт, стоявший на натурном столике. И так было всегда: сначала Яна, потом Катя, чуть припоздавши, и наконец, через полчаса – Сима.

Автор хотел бы здесь немного разрисовать детали, уточняя характеры наших героинь, поскольку предстоящие события выглядели бы совсем иначе. Если бы не темперамент и склонность к фантазиям этих девочек.

Итак: Катя. Нет, Сима. А лучше, Яна. Яна? Да, конечно же, потому что она приходила самой первой. Яна – жаворонок, Сима – сова, Катя -...на ваше усмотрение.

Яна была очень трудолюбива и больше молчала, в то время как Сима и Катя громко, взахлёб пересказывали друг дружке очередную прочитанную книгу, непременно фантастическую. Яна тоже много читала, но больше реалистического плана, хотя, признаться, роман «Сердца трёх» Джека Лондона оставил глубочайший след в её юной душе. Она хотела таких приключений, такой любви. Ах, эта любовь!.. Она

уже с десятилетнего возраста волнует юное создание, если не раньше, и хрупкая с виду художница, с большими зелёными глазами, рисовала море с восходящим солнцем и непременно с парусом вдалеке, а на берегу влюблённую парочку. На берегу была ещё берёзка...

В общем-то, Яна натура была романтическая, и какая бы тема ни шла по уроку композиции, Яна всегда сворачивала к морю, парусу...

Сима же была эмоциональной девочкой, ещё гибкой и стройной. В таких, как говорят, бесята вселились, и не дают ей покоя, «ни минуты покоя», как поётся в известной песне. Эти бесята выводили её в полнолуние через балкон и водосточную трубу на крышу девятиэтажного дома, где она, словно цирковой артист, ходила по самому краю крыши и даже перебежала на соседнее здание по тонкому телефонному кабелю, а, впрочем, может, это враки?.. но тем не менее, немного пообщавшись с нашей Серафимой, понимаешь, что от неё можно ожидать что-то авантюрное, то есть не совсем взвешенное решение, от чего её всегда предостерегала наша третья героиня- Катя.

Катюша была прагматик. Она могла легко осадить эксцентричную Серафиму весомыми и основательными доводами, даже седеющего преподавателя художественного отделения Афанасия Ивановича Защёлкина, могла запросто поставить на место, строго посмотрев на него поверх своих очков в розовой оправе.

И причём тут собственно Афанасий Иванович? Да всё потому, что и он, под стать неугомонной Серафиме, невзирая на свои года, с юношеским максимализмом пытался поколебать весьма серьёзный и незыблемый закон – закон всемирного тяготения. Вот чудак – замахивается на самого Ньютона! Когда девочки впервые услышали с его стороны сомнения о теории дяди Исаака, то Сима, страшно округлив глаза, выпалила:

– Вот это да! Обал-деть! Вот бы этот закон переделать! Знаете, девочки, надо всегда что-нибудь переделывать, а то уже неинтересно жить!

Но начнём всё сначала. Итак 28 декабря 20..года, поутру, когда солнце ещё не лизало своим сиреневым языком замороженные окна немногочисленных домов посёлка, да и вообще была ещё непроглядная темень, из дома №5 по улице Кривохлёбова вышла тоненькая фигурка художницы Яны и, хрустя морозным снегом, заспешила на «дополняшку». Проходя мимо девятого дома, она слегка поёжилась от неприятных ощущений. Она всегда нехорошо себя чувствовала именно в данное время и в конкретном месте. И этому странному ощущению она, конечно, не придавала особого значения.

Она часто пыталась разглядеть высотное здание, откуда, с самого верха, доносилось какое-то уханье и визжание, и что-то тёмное отрывалось от балкона и, прошумев, словно птица крыльями, затихало. «Чёрная кошка в тёмной комна-

те,» – отмечала про себя художница и, нервно зажимая полиэтиленовый пакет с красками, ускоряла шаг.

Ближе к школе Яна всегда чувствовала себя немного уютнее – было больше огней на улице да больше прохожих, спешащих кто куда, а сама «дополняшка» уже приветливо светилась большими умытыми стёклами. На вахте, как всегда, её приветливо встречала Пирожкова Елена Гавриловна, она же тётя Лена, она же «красная шапочка». Здесь уместно отметить, что у Елены Гавриловны не было и в помине шапочки конкретного цвета, которая имела всё-таки косвенное отношение к её служебному долгу, а носила она в зимний период головной убор из непонятого зверя, которого, очевидно, убили прямо у неё на голове (до того всё было бесформенно), а что касается её фамилии, то тут ей обижаться вовсе не следует. Тётя Лена к десяти утра приносила из ближайшей столовой горячие пирожки с капустой по рубль пятьдесят и потчевала учащихся по той же закупочной цене.

Когда Елена Гавриловна заносила в школу корзину горячих и ароматных пирожков, то этот запах уже через пять минут проникал в самые дальние кабинеты и щекотал ноздри детишек и даже самой Лавры Николаевны – строгой и требовательной директрисы этой школы искусств.

Автор боится быть назойливым по поводу этих пирожков, но согласись, уважаемый читатель, как можно представить нашу огромную страну без горячего пирожка, который всегда в нужный момент оказывался в нужном месте, а в ито-

ге – в желудке, придавая тем самым дополнительные силы человеку для свершения ратных дел. Да и вообще, съесть что-нибудь по цене производителя – великое удовольствие, тем более, что подобные пирожки на автовокзале стоят аж семь пятьдесят. Вот потому, буквально, каждый человек, закончив любое дело, взглянет на него оценивающе и скажет: « Вот такие пирожки!» Ну, да ладно об этом, а то упустим из вида нашу героиню. Да, кстати, где же она? Где наша Яночка?

А Яна уже сидит за мольбертом в пятом кабинете и, позёвывая, раскрывает гуашевые краски, а Афанасий Иванович, заложив руки за спину, задумчиво вглядывался в едва-едва сереющий горизонт. Он знает, что сейчас через минуту-две в кабинет ввалится Катя Снегова и, сонно шатаясь из стороны в сторону, с маху опустится на ближайший к ней стул и, опустив руки и голову, ещё некоторое время будет приходить в себя. Так случилось и на этот раз. Дверь вскоре запахнулась.

– Здравствуйте, Афанасий Иванович! – выдохнула Катя и, бросив пакет на стол, тут же присела у двери.

– Привет, Катюша, – ответил учитель и с любопытством посмотрел на покрасневшийся нос и щёки девочки. – Что, морозец сегодня?

– Ах, Афанасий Иванович, на то она и зима. А мне зима больше нравится, чем лето.

– Да ты что? – удивился учитель. – Ведь цвета меньше, ко-

лорита. Преобладание одних холодных оттенков. Хотя, как к этому подойти... Вон, Грабарь – такие краски на снегу видел!.. А, собственно, о чём это я? Александр Сергеевич – тот осень страстно любил.

– Вот именно, – вздохнула Катя и начала готовиться к уроку.

– А какое время года нравится Яне? – продолжил тему Афанасий Иванович.

Яна мечтательно посмотрела на него своими зелёными, как морские водоросли, глазами и широко заулыбалась.

– Ах, да, конечно же, лето. Море, солнышко...

– Вы угадали, – звонко засмеялась девочка, и, вглядываясь в Катю поверх мольберта, отметила. – А Катерина что-то сегодня не в духе.

– Да и мне это кажется. Не иначе, как двойку схватила у Антонины Семёновны.

– Вы угадали, Афанасий Иванович, – зашмыгала носом Катя. – А задачу-то я правильно решила, и это уже не первый случай. Я теперь стала сохранять черновики, и, когда сравниваю с решением в тетради, то к своему ужасу обнаруживаю, что там у меня стоят совершенно другие числа, как будто кто-то моей рукой всё исправил.

– Да, мистика просто, – почесал затылок Афанасий Иванович.

– У неё, знаете Афанасий Иванович, глаза какие-то нехорошие. Смотришь, вроде бы как голубые, но потом начинают

отдавать металлическим оттенком, или может мне кажется.

– Это, девочки, уже очень серьёзно, – опять поскрёб за-
тылок учитель. – А вдруг, ха —ха, это ведьма?!

Тут Яна выронила кисточку и, округлив и без того огром-
ные глаза, начала опасно озираться, а когда резко распах-
нулась дверь в класс, то она чуть не взвизгнула от страха.

– Фу-у-х,.. а вот и я! – весело воскликнула Сима, впорхнув
продрогшим воробышком в тёплое помещение.

– Вижу, вижу, что ты. Было бы удивительным, если бы
Серафима хотя б разок не опоздала, – пробурчал седеющий
художник.

– Ну, Афанасий Иванович, я и так рано встаю, а чтобы мне
не опаздывать, надо тогда на шесть утра будильник ставить
или даже на пять.

– Ну и поднимайся тогда в пять утра.

– Ага, я и так не высыпаюсь!

Воцарилась относительная тишина: Яна шуршала кистью
по бумаге, Катя и Сима двигали осторожно мольбертами, вы-
бирая позицию, а Афанасий Иванович что-то всё искал в уже
розовеющем горизонте, словно там была написана вся отгад-
ка человеческого бытия. И если бы девочки обратили вни-
мание на его лицо, то непременно заметили, что он чем-то
глубоко взволнован. А он часто бывал таким. Дело в том, что
любимый нашими девочками преподаватель, не был равно-
душен к судьбе даже самого мелкого насекомого, а уж если
говорить о заброшенной плотине, то он уже лет пять при-

лагает немало усилий по преобразованию её вместо развлечений для любителей острых ощущений. « Будем привязывать туристов за ногу резинкой, и сбрасывать их с плотины! – кричал он в лицо главе администрации посёлка, – глядишь, и местный бюджет пополним за счёт этого. А дорогу с нашей чёрной горы надо отдать под международные автогонки! Вон она, какая кручёная!..»

Глава посёлка морщился, как от зубной боли, под напором его убеждений: « А вот ты первый и прыгни с этой плотины!» – парировал тот.

«А вот и прыгну! Вы только купите мне эту резинку, метров в двадцать пять!» – горячился Афанасий Иванович. « Нет денег!» – кричал в ответ глава.

Но вот уже года два неугомонный Афанасий Иванович был полностью поглощён физикой, а именно – законом о всемирном тяготении. А всё потому, что появилась как-то информация о том, что Америка ставит под глубокое сомнение теорию Дарвина о происхождении видов, и наш герой, недолго думая, подверг сомнению вышеозначенную теорию, рассуждая примерно так: « Если нет притяжения, то что есть? Ага, есть атмосферное давление и благодаря последнему, мы привязаны к земле. Если это, действительно, так, то остаётся только выяснить благодаря чему луна болтается вокруг земли, а всё вместе взятое вокруг – солнца, где, собственно, и отсутствует это давление – вакуум...» Но сколько ни бился несчастный учитель, он не смог побороть Ньютона,

а наоборот, случайным соединением каких-то веществ (он проводил ночами опыты) блестяще подтвердил эту пресловутую теорию, и это подтверждение в данный момент находилось в кармане Афанасия Ивановича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.